

ческие дела, не ведая при этом специфически средневековой оппозиции схоластики и ремесла, как бы осуществляя их единение. (Схоластика груба, ремесло пустотело, а значит, нет [?] ни того, ни другого). Однако это единство (или его отсутствие?), сталкиваясь с миром веществ, ждущих быть превращенными, тотчас раздваивается на декоративный, пустотелый опыт (но опыт!) и приземленную, вещную теорию, дающую в виде примеров-рецептов. Именно в этом и состоит принципиальное отличие алхимической «химии» от химии нового времени. Алхимия — существенная составляющая «химической» картины мира в средние века, особая «схоластико-ремесленная» деятельность, противостоящая схоластике и ремеслу магистрального средневековья. Результат их взаимодействия, возможно, и есть химия XVII—XVIII веков. Тогда алхимия в каком-то смысле — алхимическое прошлое химии; химия же — «химическое» будущее алхимии.

Таким образом, определение алхимии как средневекового способа существования в составе средневековой культуры несредневековых культурных форм должно быть в последней своей части преобразовано. Алхимия — это способ существования в составе средневековой культуры гипертрофированно-средневековых форм. Паракультурная природа алхимии и есть гипертрофированно-средневековая ее природа со всеми сопутствующими следствиями.

Если верен этот контурный образ алхимии, тогда можно предугадать (в надежде угадать) пути синхронных и диахронных культурных и межкультурных взаимодействий алхимии в собственном историческом бытии. Но это уже сделано в соответствующих главах.

В самом деле, алхимия как пародия на официально-средневековую духовность и сама средневековая духовность живут в единой средневековой культуре, ведут напряженный взаимопреобразующий диалог. Из предшествующего ясно, что алхимия — «кривозеркальный» образ магистрального средневековья. Но и самое средневековье, глядясь в кривое алхимическое зеркало, слегка подправляет свой образ. И так многократно. Вплоть до полного ...отождествления. В результате и то и другое становится взаимно иным, свидетельствуя о новом времени, новой культуре, новой науке. Напряженное синхроническое взаимодействие алхимии с культурной метрополией средневековья выявляет возможности диахронических взаимодействий. И тогда алхимия, в чем мы уже сполна убедились, оказывается на перекрестке культур, обещая ренессансное обновление средневековой культуры; ускоряя это обновление. Исследование же диахронических мутаций вновь переводит проблему в сферу синхронических взаимодействий. Тогда становится естественной двухчастное построение книги: «Диалог в замкнутом мире»; «На перекрестке культур». Такое построение должно запечатлеть двойственный характер взаимодействия алхимической периферии с «официальной», «канонической» средневековой культурой.

Алхимия — часть средневековой культуры и только в качестве составной части этой культуры и существует. Обрстая самостоятельность целого,